

он подписывает каждую страницу и документ в целом, а также перевод собственноручно записанных показаний опрашиваемого.

Если при опросе применялись звуко- или видеозапись, в объяснении следует зафиксировать факт применения технических средств и условия их применения; если имело место приостановление звуко- или видеозаписи – причина и продолжительность остановки; заявления опрашиваемого по поводу применения технических средств. О применении звуко- или видеозаписи необходимо уведомить опрашиваемого до начала получения объяснений. Звуко- и видеозапись должны отражать все необходимые реквизиты объяснения – дату и место проведения, время начала и окончания, фамилию, должность и специальное звание опрашивающего лица, его анкетные данные, факт предупреждения об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а также весь ход получения объяснений. По окончании процессуального действия звуко- и видеозапись полностью воспроизводятся опрашиваемому, выясняется, имеет ли он дополнения или уточнения к сказанному, удостоверяет ли правильность записи. Дополнения показаний также заносятся на фонограмму или видеограмму. Звуко- и видеозапись заканчивается заявлением опрашиваемого, удостоверяющим ее правильность. Фонограмма и видеограмма хранятся вместе с материалами.

Представляется, что данные рекомендации будут способствовать использованию объяснения в качестве полноценного источника доказательств. Вместе с тем следует иметь в виду, что окончательные выводы по делу нельзя основывать лишь на данных, содержащихся в объяснении; они подлежат самой тщательной проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами.

#### Библиографические ссылки

1. Быков, В.М. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / В.М. Быков, Л.В. Березина. Казань : Таглитат, 2006.
2. Горский, Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.
3. Кузнецов, Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Кузнецов. Воронеж, 1983.
4. Рахунов, Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1954.
5. Шалумов, М.С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств / М.С. Шалумов // Уголов. процесс. 2005. № 3.

*Р.В. Маджаров, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь*

## СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

*В настоящее время одним из актуальных направлений изучения в уголовном процессе является исследование института приостановления предварительного расследования. Определение необходимости, возможности и путей его совершенствования невозможно без всестороннего анализа, в том числе изучения истории его становления и развития. На основе обобщения правоприменительной практики ВКЛ и Российской империи рассматривается возникновение термина «приостановление» в белорусском законодательстве, а также становление и развитие института приостановления предварительного расследования в досоветский период.*

К вопросу возникновения и развития института приостановления предварительного расследования обращались в своих научных работах В.М. Быков, П.П. Данилькевич, М.В. Королев, А.М. Попов, К.А. Сергеев, И.П. Тарасевич, Е.К. Черкасова, А.С. Шагинян и другие ученые-процессуалисты. Они сделали вывод, что институт приостановления предварительного расследования возник с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) и указали основания принятия данного решения. Их исследования основывались на анализе нормативных правовых актов России и не включали судебно-следственную и законодательную практику Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, но этот вывод полностью применим и к белорусскому процессуальному законодательству.

Так, анализ законодательства ВКЛ показывает, что уголовный процесс данного государства не знал института предварительного расследования, а значит, и его приостановления, так как в тот период не выделялась сама стадия предварительного расследования в современном ее понимании. Вме-

сте с тем суды в ходе судебного разбирательства допускали перерывы, обозначаемые термином «отложение судебного разбирательства» (арт. 10 разд. I, арт. 4, 9 разд. VI, арт. 3, 7 разд. VIII Статута ВКЛ 1529 г.). Данное явление было известно и уголовному процессу княжества Московского (ст. 108, 109, 113, 118, 149 гл. 9 и др. Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г.). Эта судебная практика заложила основы для становления в последующем института приостановления предварительного расследования, в частности, обозначились основания для отложения судебного разбирательства, ряд из которых затем был трансформирован и на предварительное расследование.

В России до 1864 г. также не существовало института приостановления предварительного расследования. Введенный Петром I и реформированный Екатериной II розыскной тип процесса предусматривал осуществление досудебного производства в два этапа. Первый из них именовался предварительным следствием, нередко – дознанием, поскольку производство на нем велось не только письменно, но и устно и в большинстве случаев без соблюдения процессуальной формы. Материалы предварительного следствия доказательственного значения в суде не имели. Проводилось дознание как первоначальное расследование с целью выяснения наличия события, содержащего признаки преступления, и виновных в его совершении. При этом какими-либо сроками данный этап не ограничивался.

После установления лица и «поставления его в состояние обвинения» наступал второй этап расследования – формальное следствие, цель которого – «решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания» [1, с. 135]. Для проведения формального следствия законодателем отводился месячный срок, который, однако, мог быть продлен ввиду «особенных уважительных препятствий» (ст. 882 т. 15 Свода Законов Российской империи (СЗ) в редакции 1830 г. или ст. 51 т. 15 ч. 2 СЗ в редакции 1876 г.). Основания для приостановления дознания и формального следствия законодательством не предусматривались. В этом и не было необходимости, так как суд мог проводиться заочно (ст. 141, 323–332, 384–414 т. 15 ч. 2 СЗ в редакции 1876 г.). Допрос обвиняемого (подсудимого) даже при его явке в суд был необязательным (ст. 388–393 т. 15 ч. 2 СЗ в редакции 1876 г.). Учитывая указанные особенности, можно утверждать, что при неустановлении лица, совершившего преступление, материалы дела (дознания) при их наличии просто передавались в архив. Только в октябре 1865 г. на части территории Российской империи, где еще сохранил свое действие Свод законов, было введено правило представлять данную категорию дел в суд для ревизии полноты следствия (примеч. к ст. 319 т. 15 ч. 2 СЗ в редакции 1876 г.).

УУС существенно изменил порядок производства по уголовным делам. Он отменил заочное судебное разбирательство и закрепил предварительное расследование как стадию уголовного процесса, на которой судебный следователь, а в отдельных случаях и орган дознания (ст. 258 УУС) путем проведения следственных действий устанавливал обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, собирал и оценивал доказательства виновности лица в совершении преступления. Первоначально законодатель не ограничил этот период производства по делу какими бы то ни было сроками. Впоследствии же, чтобы исключить волокиту, специальными указами Сената и циркулярами министра юстиции судебным следователям поручалось по отдельным категориям дел проводить «возможно скорейшее» расследование. Несмотря на это, УУС впервые в законодательстве России и Беларуси ввел термин «приостановление». Он встречается в ст. 27, 41, 277, 510, 518, 523, 524, 529, 634, 938, 959, 1227 УУС, из которых к предварительному расследованию имеют отношение нормы ст. 27, 277, 510, 518, 523, 524 и 529. В них (как и в действующих УПК Беларуси и России) не приводится определение рассматриваемого понятия, а только обозначаются обстоятельства, влекущие приостановление производства по уголовным делам, и в той или иной мере порядок его применения. Вместе с тем данные нормы обозначили первые подходы к определению приостановления предварительного расследования как перерыва в предварительном расследовании и судебном разбирательстве и закреплению оснований принятия данного решения.

При этом относительно судебного производства сохранился и термин «отложение», который вбирал в себя как отложение, так и приостановление производства. Чаще он использовался в нормах о порядке производства в мировых судах (ст. 73, 134, 159, 160 УУС). В нормах же о производстве в окружных судах и судебных палатах чаще фигурирует термин «отсрочка» (ст. 592, 640–644 УУС). Словарь русского языка [2, с. 751, 762] рассматривает эти понятия как синонимы. В ст. 196 УУС термин «отсрочка» также раскрывается через понятие «отложение». В этой связи представляется, что данные термины обозначали одно и то же правовое явление. УУС не только не дал определений терминов «приостановление» и «отложение», но и не обозначил различий между ними. Вместе с тем «отложение» на стадии предварительного расследования не применяется, что указывает на введение понятия «приостановление» именно для решения задач данной стадии процесса. При этом не исключено, что

данный термин, как и некоторые другие понятия, институты (включая институт судебного следователя), а во многом и порядок производства по уголовным делам были переняты российским законодателем из французского Кодекса уголовного расследования (*Code d'instruction criminelle*) 1808 г. [4, с. 4–5].

Появление в законе нового явления подтолкнуло развитие уголовно-процессуальной мысли. Так, через пять лет после принятия УУС А.А. Квачевский обосновывал «остановки» в достижении «цели уголовного иска» наличием объективных «препятствий» и «интересов». «Уступка такого рода „интересам“, – писал он, – и есть приостановление производства, в том числе и предварительного» [5, с. 250].

Позднее И.Я. Фойницкий подчеркивал, что существуют причины, до устранения которых рассмотрение дела в уголовном суде иногда невозможно, тогда производство по делу временно приостанавливается, но возбужденное преследование остается в силе, и лицо, против которого оно направлено, продолжает оставаться в положении обвиняемого, когда эти причины устранены, уголовный суд продолжает производство по делу [8, с. 44]. Как видно, содержание, вкладываемое УУС и учеными того периода в понятие приостановления производства по делу, почти без изменений воспринято современной теорией уголовного процесса.

Основания же приостановления производства по делу, зафиксированные в нормах УУС, были иными по отношению к закрепленным в действующих УПК Беларуси и России. Так, ст. 27 УУС закрепляла, что если определение преступности деяния зависит от определения в установленном порядке прав состояния или собственности на недвижимое имущество или же свойства несостоятельности обвиняемого, то преследование уголовным судом не возобновляется, а возбужденное приостанавливается до разрешения спорного предмета судом гражданским.

Нормой 518 УУС разрешалось приостановление расследования и «по неосновательности обвинения или другим законным причинам». Это же основание влекло и прекращение производства по делу. Однако содержание «законных причин» нигде в законе не раскрывалось. Тем самым законодатель представил судебным-следственным органам право расширенно толковать закон, использовать возможности личного усмотрения должностных лиц данных органов. Более того, закон предписывал это делать (ст. 12, 13 УУС).

Это обусловило формирование судебно-следственной практикой того времени «законных причин» приостановления производства по делу. Обобщая накапливаемый практикой опыт, ученые того времени, предложили критерии отнесения тех или иных обстоятельств к основаниям приостановления предварительного расследования. В частности, А.А. Квачевский указал, что они должны, во-первых, носить объективный характер, то есть не зависеть от воли и желания следователя; во-вторых, должны быть предусмотрены уголовно-процессуальным законом; в-третьих, связаны с участием в деле обвиняемого или лица, подлежащего привлечению в качестве такового, а также должны быть преодолимы.

Исходя из этого ученые сформулировали следующий перечень оснований приостановления производства по делу: 1) «неоткрытие местопребывания обвиняемого или его побег»; 2) «безумие, сумасшествие или припадок болезни, приводящий в умоисступление или совершенное беспамятство, если при этом обвиняемый впал в такое болезненное состояние после совершения преступления»; 3) разрешение преюдициального вопроса гражданского или церковного (духовного) права; 4) необходимость получения санкции (разрешения) вышестоящего органа на привлечение к уголовной ответственности должностного лица за совершение преступления по службе. Указанные основания классифицировались как фактические (первое и второе) и юридические (третье и четвертое) причины приостановления предварительного следствия (расследования) [3, с. 242]. При этом ученые того времени, как правило, унифицировали их, распространяя как на стадию предварительного расследования, так и судебного разбирательства.

Современные исследователи-процессуалисты, затрагивавшие историю института приостановления предварительного расследования, в основном придерживаются данного перечня оснований (и их классификации), однако А.С. Шагинян прямо указывает и на наличие на тот период такого основания, как «необнаружение виновного» [9, с. 17–18].

Разрешение вопросов об обоснованности отнесения указанных обстоятельств к основаниям приостановления предварительного расследования, тесно связано с порядком принятия данного решения. В соответствии со ст. 510, 518, 523, 524 и 529 УУС решение о приостановлении расследования принималось судом на основании ходатайства (выводов) следователя и заключения прокурора при условии проведения расследования с «надлежащей полнотой». Аналогичный порядок был установлен и для принятия решений о прекращении предварительного расследования и передаче дела в суд. Вместе с тем историко-правовые материалы не дают возможности утверждать, что такой подход был

единым для всех оснований. Нормы данных статей устанавливали общий порядок принятия решения, но на практике он корректировался в зависимости от оснований.

Например, в случае неустановления местонахождения скрывшегося обвиняемого и отсутствия результатов его «местного» розыска полицией [7, с. 52] следователь в соответствии со ст. 386 УУС должен был направить дело через прокурора в суд для рассмотрения вопроса «о сыске обвиняемого чрез публикацию» (если в этом была необходимость). Она заключалась в даче сообщения в «статьях в сенатских объявлениях и в ведомостях обеих столиц и местных губернских». Эти публикации оглашались в городах на площадях, а в селениях – на мирских сходках и «прибивались» к дверям полицейских управлений и судов, которым было подсудно дело о совершенном преступлении (ст. 846–847 УУС). Одновременно с этим следователь ходатайствовал о приостановлении предварительного расследования. Однако по уголовному делу по обвинению Ф.Ф. Жискара решение о приостановлении расследования по данному основанию было принято следователем самостоятельно и окружным судом оно не отменялось [6, д. 13235]. При заболевании обвиняемого, препятствующем его участию в деле, следователь в соответствии со ст. 397 УУС выбывал по местонахождению обвиняемого для проведения с его участием процессуальных действий или «выжидал» устранения препятствий к явке. Если же у обвиняемого имелось психическое заболевание, подтвержденное освидетельствованием судебного врача, следователь, как требовали ст. 353–356 УУС, должен был принять решение об окончании расследования и передать дело прокурору, то есть расследование завершалось обычным порядком. Это же доказывают и материалы уголовного дела по обвинению А.Д. Фесько [6, д. 11227]. После окончания расследования в суде проводилось повторное, уже комиссионное медицинское освидетельствование обвиняемого. Если его заболевание возникло до совершения преступления, то производство по делу судом прекращалось. Если же оно возникло после совершения преступления, то производство по делу приостанавливалось судом до его выздоровления. После выздоровления обвиняемого или в случае установления в суде отсутствия у него психического заболевания уголовное дело возвращалось судом *прокурору* (курсив наш. – Р.М.) для составления обвинительного акта. Следователю данное дело больше не возвращалось.

При возникновении необходимости привлечения в качестве обвиняемого должностного лица за совершение преступления по должности уголовное дело должно было направляться его «начальству» для получения разрешения. При этом решения о приостановлении расследования не принимались [6]. После получения разрешения на привлечение должностного лица к уголовной ответственности дело передавалось следователю, который предъявлял обвинение и завершал расследование обычным порядком.

Сейчас трудно сказать, принималось ли решение «приостановить предварительное следствие» при возникновении вопросов преюдициального характера гражданского или церковного права. В ходе исследования уголовных дел данной категории не удалось обнаружить. В УУС также не регламентирован порядок действий следователя при возникновении данных препятствий. По делам так называемой церковной предсудимости, то есть о вступлении в брак «в недозволенных степенях родства и свойства», о воспрещенном браке христиан с нехристианами и о четвертом браке православных (а также по ряду других преступлений), в законе содержится только общее положение о том, что они поступают к уголовному суду по окончании над виновными суда духовного (ст. 1014 УУС). Данные положения по общему смыслу согласуются с нормами третьего раздела УУС «О судопроизводстве по преступлениям по должности». В этой связи видится, что и порядок прохождения дела по инстанциям будет аналогичным.

При возникновении же в ходе расследования уголовного дела вопросов, разрешение которых находилось в компетенции суда гражданского, порядок действий следователя, зависел от волеизъявления потерпевшего и обвиняемого. Это проистекает из того, что право инициировать перед гражданским судом рассмотрение установленных законом преюдициальных вопросов принадлежит не следователю, а уголовному суду. Потерпевший или обвиняемый (кому выгоднее было затянуть процесс производства по делу) при наличии в деле спора о собственности или несостоятельности обвиняемого мог в ходе расследования сперва обратиться с иском в гражданский суд, а затем – с ходатайством о приостановлении расследования в суд уголовный или к следователю. К выводу о наличии подобного порядка приостановления расследования по рассматриваемому основанию пришел также и А.С. Шагинян [9, с. 40].

При отсутствии указанного иска следователь в силу своих полномочий должен был, как представляется, установить все обстоятельства происшествия и окончить расследование обычным порядком. Уголовный же суд обязан был (ст. 27 УУС) приостановить производство и передать материалы

дела в гражданский суд, решение которого являлось для прокурора основанием составления обвинительного акта или заключения о прекращении производства по делу.

Что касается такого обстоятельства, как необнаружение виновного лица, то в этом случае следователь продолжал расследование до тех пор, пока считал это целесообразным. При этом только при наличии сведений, требующих проверки следственным путем. Не имея таких сведений, то есть «оснований продолжать следствие», он, «приостановив производство», испрашивал через прокурора разрешение суда на прекращение дела (ст. 277 УУС). Используемый в норме данной статьи термин «приостановление» как представляется не обозначает какого-либо процессуального решения, которое бы фиксировалось в процессуальных документах, а служит для констатации факта завершения (прекращения) следователем своей работы. Из материалов архивных уголовных дел видно, что в итоговом (заключительном) постановлении следователь фиксировал решение «дело за необнаружением виновных представить через прокурора в суд на прекращение».

Решения о приостановлении расследования при этом следователь не принимал, утверждение А.С. Шагиняна о том, что «необнаружение виновного» является основанием приостановления предварительного расследования в связи с тем, что в соответствии со ст. 24 и п. 1 ст. 542 УУС в случае установления лица, совершившего преступление, производство по делу могло быть возобновлено «по особому о том определению суда», вынесенному до истечения сроков давности является по нашему мнению достаточно спорным. Возобновление производства возможно как по приостановленному, так и по прекращенному уголовному делу. Кроме этого, как и в ныне действующем УПК, прекращение производства в отличие от приостановления не предполагает временного характера, поэтому включение данного обстоятельства в перечень оснований приостановления расследования по УУС видится не соответствующим его нормам и судебной-следственной практике того времени.

Таким образом, анализ историко-правовых источников показывает, что возникновение института приостановления предварительного расследования в уголовном процессе Беларуси связано с периодом нахождения белорусских земель в составе Российской империи, с принятием и введением в действие на этой территории УУС, который закрепил институт предварительного расследования в современном его понимании. С этого времени закрепляется письменная форма всего досудебного производства. Этот подход и отмена заочного судебного разбирательства (то есть в отсутствие обвиняемого) обусловили необходимость разрешения органами предварительного расследования вопроса о движении уголовного дела в случае невозможности участия обвиняемого в производстве по уголовному делу. Реакцией на данное обстоятельство явилось решение о приостановлении предварительного расследования. Истоки оснований для его принятия исходят из оснований отложения судебного разбирательства, закрепленных в Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. и Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. По ходу их применения практикой формировались критерии отнесения тех или иных обстоятельств, препятствующих досудебному производству, к основаниям приостановления предварительного расследования, что в итоге обозначило подходы к определению сущности института приостановления предварительного расследования.

#### Библиографические ссылки

1. Баршев, Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. Баршев. СПб., 1841.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
3. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие / С.И. Викторский. М., 1997.
4. Головки, Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головки. М. : СПАРК, 1995.
5. Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Теоретическое и практическое руководство / А.А. Квачевский. СПб., 1869.
6. Национальный исторический архив Республики Беларусь. Фонд 183. Оп. 2.
7. Сичинский, Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв. : учеб. пособие / Е.П. Сичинский. Челябинск, 2002.
8. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. СПб. : Сенат. тип., 1910 г.
9. Шагинян, А.С. Приостановление предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Шагинян. М. : РГБ, 2003.